

«НА ФРОНТАХ ТОЙ ВОЙНЫ НЕВИДИМОЙ БЕСПОЛЕЗНОСТИ С ОДАРЕННОСТЬЮ...»: К СПЕЦИФИКЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мамедова Ж.В.

**Научный руководитель – доцент Демина Н.А.
Сибирский Федеральный Университет, г.Красноярск**

Во второй половине прошлого века французский мыслитель М. Фуко в одном из своих интервью выделил три отличительные черты человека, которого он называл интеллектуалом: это, во-первых, особенность классового положения (мелкого буржуа на службе у капитализма, «органического» интеллектуала из пролетариата); во-вторых, особенность условий жизни и труда, связанных с его судьбой как интеллектуала (областью его исследований, его местом в лаборатории, экономическими или политическими требованиями, которым он подчиняется или против которых бунтует в университете, в больнице и т.д.); в-третьих, особая политическая роль истины в обществе.

Новое столетие стремится выработать свои представления о значении и роли интеллектуала в обществе. Важно отметить, что применительно к российскому обществу понятие «интеллектуал» часто заменяется не вполне тождественным по смыслу «интеллигент». Можно назвать это исторически сложившейся русской культурной традицией, которая, кстати, нередко препятствует межкультурному диалогу по этому вопросу. Однако в контексте сравнения с концепцией М. Фуко на это несоответствие позволительно закрыть глаза, так как и сам М. Фуко отмечал, что он говорит не просто об «интеллектуале», но о социально ответственном интеллектуале, во многом о нравственной стороне вопроса. А учитывая, что русское понятие «интеллигент» как раз и отличается этическим аспектом, можно заключить, что «интеллектуал» М. Фуко и русский «интеллигент» – если и не тождественные, то очень близкие по значению понятия, а значит, мы вправе использовать их в общем контексте.

В начале 2010 года красноярское общество «Предназначение интеллигента» выдвинуло свою версию того, кто есть интеллигент: в первую очередь, это – человек, высоко ценящий знание, его образованность не зависит от дипломов и научных степеней, а ценностью является не статус, а истина. Интеллигент стремится не только узнать истину, но и поделиться своими знаниями с окружающими, знание для него – не только самодостаточная ценность, но и реальная сила, позволяющая преобразовывать мир. Он не только транслирует в общество свои идеи, но и сам живет в соответствии с ними, является воплощением и наглядным примером реализации этих идей. В роли народного просветителя и культурного деятеля он, вольно или невольно, оказывается в оппозиции к режиму. Чем больше самоотречение интеллигента, чем больше его жертва, тем более мы вправе причислить его к интеллектуальному, культурному и духовному авангарду человечества.

Прежде чем делать какие-либо выводы, проведем краткий социологический анализ состава общества «Предназначение интеллигента». Оно представляет собой собрание заинтересованных людей с разным уровнем образования и социальным статусом: от студентов до солидных писателей, часть из них – регулярные члены, часть – приглашенные гости. Основными целями сообщества, как объяснил мне его председатель, является, с одной стороны, самообразование, с другой – стремление нести культуру в массы. Однако какого качества, если так можно выразиться, будет эта культура – вопрос весьма спорный. Дело в том, что на своих заседаниях члены общества активно обсуждают вопросы, непосредственно входящие в проблемное поле философии, как в содержательном, так и в методологическом аспектах. Но поскольку ни в числе постоянных членов клуба, ни среди гостей (по крайней мере, на тех заседаниях, на которых мне

довелось присутствовать) профессиональных философов нет, участниками нередко допускаются фактические и методологические неточности, а порой – весьма грубые ошибки, которые, впрочем, не вызывают у членов общества смущения. Общее направление дискуссии имеет скорее бытовой, непрофессиональный характер, однако настаивает на том, что претензии заявляются вполне высокие: само название клуба говорит за себя, а поднимаемые темы претендуют на способность ведения философского курса, для которого, увы, большинство членов клуба не обладают необходимой компетентностью и подготовкой. Однако нельзя не отметить и положительные черты такого рода организаций: по причине и благодаря социальной неоднородности общества его члены имеют разные позиции, активно спорят, аргументируют, спектр мнений по одной и той же проблеме чрезвычайно широк. Кроме того, во время заседания звучало предложение «пойти в массы»: с просветительской функцией посетить города Красноярского края, провести несколько выездных сессий, привлечь более широкий круг заинтересованных, расширить проблемное поле и методы решения, иными словами – стремление к расширению и совершенствованию.

Чего нельзя сказать о профессиональном Красноярском философском обществе, для которого характерны единство мнений по основным вопросам, социальная однородность и отчасти закрытость. Члены философского общества – кандидаты и доктора философских наук, нередко – коллеги, работающие совместно над общей проблематикой, с определенным, сформировавшимся мировоззрением, что, кстати, нередко порождает идеологичность и односторонний подход к вопросам. Спор может возникать лишь в частностях, в деталях, в целом же обнаруживается принципиальное единство участников во взглядах на большинство философских вопросов. Именно это, на наш взгляд, мешает плодотворному диалогу, ведь еще Сократ заметил, что очень полезно собрать разнородное общество и позволить каждому высказать свою точку зрения, даже если она не вполне истинна. Более того, заявления, в корне не соответствующие господствующему направлению мысли, откровенно отклоняются, а слушатели, их высказывающие, даже не воспринимаются докладчиком как оппоненты. Таким образом, при всей профессиональной подготовке, эрудированности и компетентности членов философского общества, их заседания представляются интересными лишь с сугубо познавательной точки зрения, а практически полное отсутствие дискуссии и единство в принципиальных вопросах явно уменьшает плодотворность таких собраний.

Таким образом, выше представлены как бы два полюса в философском дискурсе красноярских интеллектуалов, ни один из которых, однако, не соответствует представлениям М. Фуко об этой категории людей. Для М. Фуко интеллектуал – это, в первую очередь, высокообразованный, эрудированный, компетентный во многих сферах, особенно же – в своей узкой области специалист. Не менее важно и то, что такой человек открыт для дискуссии, способен выслушать и аргументировано оспорить точку зрения оппонента, а также считает своим долгом, во-первых, нести культуру «в массы», во-вторых, быть ответственным за написанное и публично высказанное. Кроме того, согласно М. Фуко, давно минули те времена, когда философ, интеллектуал был сугубо теоретиком, автором социальных и прочих утопий, не пытающимся воплотить их в жизнь. Современный интеллектуал, по М. Фуко, это интеллектуал-практик. Его теоретические построения берут начало в непосредственной практике и в нее же выливаются (ярким примером этого может быть деятельность самого М. Фуко, начинавшего как психиатр в клинике и с помощью своих наблюдений разработавший теорию безумия, теорию власти и пр., принципы которых впоследствии активно применял в своей практической деятельности). М. Фуко отказывается видеть в современном интеллектуале пророка всеобщей истины, мыслителя-универсала, область его должна быть узко специализирована, но с возможностью выхода на общефилософское.

Прикладывая эту схему к нашим интеллектуальным и философским обществам, мы получаем необнадлежающую картину: философы-профессионалы не стремятся выходить за рамки своего узкого круга, причем как в физическом, так и в тематическом смыслах. Кроме того, философское общество – это общество теоретиков, основным, если не единственным практическим выходом деятельности который является публикация тезисов и статей. И хотя порой высказывается мысль о создании неких проектов, дальше идеи, увы, дело не идет, нет даже обсуждения такой возможности.

Философствующие же на любительском уровне интеллигенты, напротив, настроены на активную практическую деятельность, стремятся к диалогу как внутри группы, так и с широкими массами, вынашивают амбициозные планы, однако им пока недостает того первого пункта: компетентности и философской подкованности, свои суждения они строят исключительно на собственном жизненном опыте, мировоззрении и весьма разрозненных исторических и философских познаниях, чего, увы, недостаточно, чтобы называться интеллектуалом в полном смысле этого слова. Кроме того, удовлетворяя важному требованию М. Фуко: будучи интеллектуалами-специалистами в узкой практической области (литература, история, юриспруденция, психология), члены общества не выходят на общетеоретический уровень, так и продолжая рассуждать на уровне «разговора с приятелями». Высказывая, несмотря на все перечисленные минусы, ряд интересных и небесполезных мыслей, причем на вполне доступном для обывателя языке, «Предназначение интеллигента» не имеет возможности донести их до широких масс, скажем, публикациями или выступлениями.

Наконец, на наш взгляд, необходимо затронуть не только местный, но и всероссийский уровень интеллектуального философского дискурса, о котором, к сожалению, мы можем судить лишь по изданиям «Вестника Российского Философского Общества», «Вопросов философии» и ряда других русскоязычных периодических изданий. Российская организация философского дискурса качественно отличается от региональной красноярской. Во-первых, открытым доступом к большинству публикаций. Во-вторых, самой тематикой обсуждаемых проблем: особо остро ставятся социальные вопросы: демократия, гражданское общество, ответственность интеллектуала перед обществом, его роль, функции, в целом отношения философа и общественности. Все эти темы как основные поднимает и М. Фуко, и вся западная философская мысль последних десятилетий. При этом российским философским Обществом не забываются проблемы философии религии, науки, искусства, теоретический аспект философии. Однако главным критерием эффективности деятельности интеллектуалов М. Фуко все же называл их участие в общественной и политической жизни, взаимодействие с властными структурами и общественными организациями. И в этом пункте, увы, наше философское общество пока не продвинулось, его члены все еще остаются в большей своей части теоретиками, и даже их рассуждения на практические темы носят скорее умозрительный характер.

Коротко и в общих чертах охарактеризовав основные черты и направления организации философского дискурса в России сегодня, поставим главный, снова – теоретический – вопрос: насколько прав М. Фуко и его сторонники в определении интеллектуала? Насколько для такого человека, и в первую очередь – для философа, необходим выход на уровень социальной практики? Не вульгаризирует, не упрощает ли это философию и не превращает ли ее в очередной способ политической борьбы? Иными словами, насколько подобает философу в традиционном понимании этого слова «опускаться» до социально-политической деятельности? Можем ли мы представить И. Канта за трибуной, декларирующим моральный императив? Но ведь почему-то Сократ выходил на контакт с обществом и не считал это недостойным мудреца, а Вольтер имел самое непосредственное влияние на властных особ своего времени. История демонстри-

рует нам разнообразные примеры приложения философского знания, вероятно, оно может зависеть и от времени, и от общественного строя, и от уровня культуры общества в целом. Ведь «интеллектуальная элита» в самом общем понимании начала формироваться именно в период рабовладельческого строя, позволившего определенному слою людей думать не о насущном, но о вечном. Но времена изменились, и сегодня интеллигент воспринимается как «совесть общества», как человек, способный открыть другим глаза на происходящее, предостеречь, указать верное направление. Иначе чем интеллигент-философ отличается от простого ученого-биолога, ставящего опыты в своей лаборатории и сообщающего о их результатах в ежегодных публикациях, доступных лишь специалистам? Но ведь даже эти открытия рано или поздно становятся достоянием общества, пусть и в преобразованном виде. И если даже биолог может вести диалог с обществом и властью на социальные и политические темы, так почему же это постыдно для философа?

Быть может, философия все же не самая бесполезная из наук?

Литература:

1. М. Фуко «Интеллектуалы и власть» т.1
2. М. Фуко «Интеллектуалы и власть» т.2
3. Русскоязычная философская периодика